

Антон Колобянин

Колобянин Антон Валерьевич родился в 1971 г. в Перми. Публиковался в журналах «Урал», «Несовременные записки», «Уральская новь» и др. Автор сборника стихов «Центр дождя» (Пермь: Фонд «Юрятин», 1997, 300 экз.). Участник АСУП-1,2. Живет в Перми.

Филологическая маркировка стихов А.К.

Традиции, направления, течения: романтизм, медитативная лирика, модернизм, экспрессионизм, футуризм, постмодернизм, метаметафоризм (метареализм).

Основные имена влияния, переклички: М. Лермонтов, А. Пушкин, Е. Баратынский, Ш. Бодлер, В. Маяковский, Б. Пастернак, В. Высоцкий, А. Парщиков, В. Кальпиди.

Основные формальные приемы, используемые автором: исповедальность, персонифицированное авторское «я» в образе лирического героя, метафора, метабола, олицетворение, ирония, усмешка, короткая рваная строка, парадокс, остранение.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: любовь, секс, женщина, плоть, влага, поэзия (поэт, муза, ангел), смерть поэта, тоска, алкоголь, суицид, распад, травма (боль, ломка, рана, порез, кровь), двойничество (тень, фотография, портрет, отражение, маска), физиологические образы, стыд, снег, дождь, свет, светопись, процесс письма (стихотворчества).

Творческая стратегия: травмирующее, болезненное выламывание собственной судьбы в поле стереотипного образа судьбы поэта.

Динамика: в подборке 2-го тома преобладают любовно-медитативные и исповедальные монологи, стихи этого периода намного менее экспрессивны по сравнению с 1-м томом, они пронизаны элегической интонацией, ощущением притупленной, пережитой боли, в них настойчиво звучит тема опустошенности, исхода.

Коэффициент присутствия: 0,5

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в Перми. Мой отец Валерий Яковлевич родом из поселка Буй Ярославской области, мама Светлана Петровна – из Перми. Отец поехал поступать в Пермь на геолога, в университете они познакомились с мамой.

Детство у меня прошло в Перми и Красновишерске, где работали родители. На берегу Вишеры у отца был дом. Он любил природу и животных. В отличие от папы, у которого был технический склад ума, мама – гуманитарий. Она собирала домашнюю библиотеку, любила художественную литературу, интересовалась современной поэзией: Вознесенским, Евтушенко, Ахмадулиной.

В школе я учился очень плохо, был троечником. Рос застенчивым. С одноклассниками отношения не складывались. Меня отдали учиться в шесть лет, потому что я рано – уже в 5 лет – научился читать и писать. Поскольку семья часто переезжала, я учился то в Перми, то в Красновишерске. Мама не понимала, почему я не люблю школу. А мне не нравилось учиться. Там давали ненужные знания, которые не пригодятся. Такая мертвечина эти уроки! В детстве я вообще хотел уехать на необитаемый остров.

Стихи я начал писать во 2–3 классе. С детства много читал. В подростковом возрасте увлекся фантастикой. Очень вдохновляла детская литература: Алексин, Железников (у него мне нравились полужанровые рассказы). Тогда были прекрасные хорошие писатели. А потом я открыл Вознесенского. Его «Треугольная груша» мне просто башню снесла.

Мама любила Евтушенко. Она была отличница. Ее даже послали на XXII съезд комсомола в Москву. А перед ним был XX съезд КПСС, на котором Хрущев назвал Сталина врагом народа. Там мама впервые и услышала Евтушенко. Ей тоже снесло башню. А мне Евтушенко никогда не нравился. Это литература, а не откровение.

Мама в детстве записывала меня в различные секции. Сначала в детский хор мальчиков, потому что у меня был хороший не то дискант, не то тенор. Но что и как я пел, не помню, потому что все, что делается по принуждению, – забывается. Потом голос стал ломаться, и меня отправили в музыкальную школу в Перми и Красновишерске, где я играл на пианино. Но играть я так и не научился – не осилил сольфеджио.

Однажды меня мама записала в ансамбль политической песни во Дворце молодежи. В ансамбль ходили многие известные в будущем люди Перми – например, на бонгах там играл Жан Хоменко, пермский негр. Потом туда пришел Евгений Чи-

А.К. и С. Стаканов

черин. Но мы с ним познакомились раньше. В ансамбле я играл недолго, мне уже тогда нравилась более радикальная музыка.

Еще мама меня записывала во всякие спортивные секции (стрельба из лука, бокс), чтобы меня, самого маленького в классе, не били. Но меня и так никто не бил.

Я настолько плохо учился в школе, что после 8 класса меня должны были отправить в ПТУ. Но у меня был совершенно не технический склад ума. Родители договорились, что меня переведут в 9 класс. В старших классах я сбежал с последних уроков, ходил в магазин «Мелодия». Я смотрел на красивые конверты пластинок, обычно с классикой, как смотрят на картины на выставке. В отличие от тогдашних книжных магазинов, в которых было пусто и скучно (в основном, продавались книги плохих советских писателей), там было интересно.

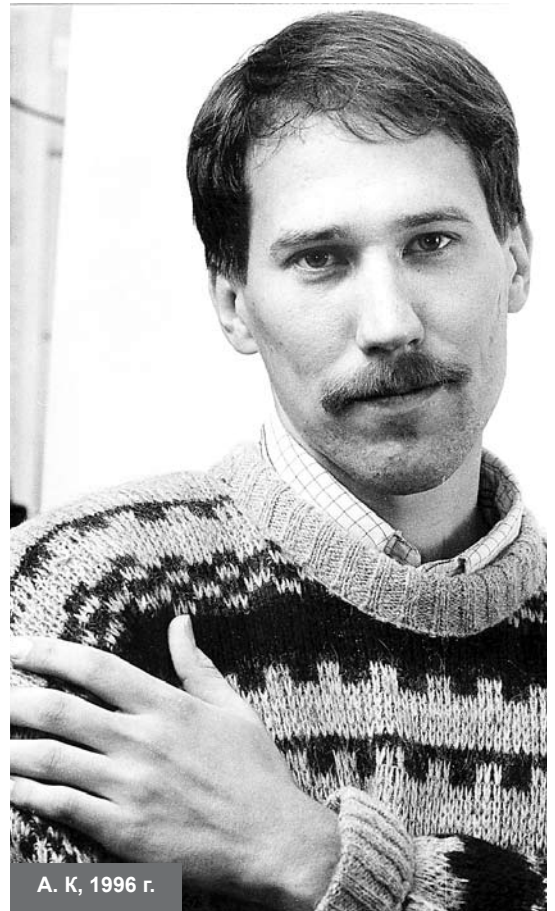
Однажды к маме на работу пришла новая сотрудница – Елена Васильевна Тетерина. Моя мама ей рассказала, что я пишу стихи. А Елена Васильевна сказала, что ее сын пишет рассказы. Мы пришли к ним в гости, и я познакомился с Сергеем Тетериным. Он заканчивал школу, готовился идти в армию. Тогда он меня впервые познакомил с ансамблем «Аквариум».

Порой мамина любовь доходила до фанатизма. Родители ведь не просто любят своих детей, но и их выдающиеся способности. Но отношение к творчеству у нас было разное. Иногда мне приходилось от нее прятать написанное.

После школы мама настояла, чтобы я пошел на филфак. Мне не хотелось снова садиться за парту. С детства нас долбят и приучают к рабскому сознанию: сначала детский сад, потом школа, а после школы снова парты! Я хотел работать и зарабатывать. Но пришлось идти на филфак.

Я кое-как сдал экзамены, поэтому меня взяли на

вечернее отделение. На самой первой паре я познакомился с Игорем Крохоловым. Он был единственным мужчиной в аудитории. Мы сразу нашли общий язык. Он интересный, яркий человек. Был независимым и начитанным, увлекался философией. С ним было интересно, но учиться я не хотел. В итоге меня отчислили за неуспеваемость.

А. К, 1996 г.

Д. Долматов и Е. Чичерин, 1989 г.

Для семьи это была трагедия. У мамы был сердечный приступ. Но я не мог больше этого терпеть. В университете я познакомился с Димой Долматовым и Сергеем Стакановым. Они уже что-то писали, были неформалами. Вызывающе себя вели и одевались. Стаканов ходил в отцовской шинели, которая была ему до пят. Долматов устраивал выступления всяких фриков. В этой тусовке я познакомился с Мишей Сурковым и Славой Глушенко. Они устраивали выставки, перформансы и концерты.

Уже лет в 9–10 я понял, что пишу настоящие стихи. Они у меня до сих пор сохранились, жалко выкидывать.

Записываться мы начали еще в школе с моим школьным товарищем Сергеем Аксеновым, талантливым художником. Чтобы заработать на магнитофон, мне пришлось пойти работать на завод. А во время летних каникул я подрабатывал вместе с родителями в геологических экспедициях. После универа на заводе АДС я работал учеником слесаря-сборщика. Я был счастлив, ходил на работу и зарабатывал «бабки» – началась свободная жизнь.

Но работа на заводе продолжалась недолго – меня призвали в армию. Через пять месяцев учебки

меня отправили в войска за проявление норова. «Норов» заключался в том, что я не хотел подшивать воротничок и все делал медленно, то есть особо не торопился. Мне повезло, дедовщины у нас не было. Служили хорошие ребята. Потом меня положили в госпиталь. После обследования лейтенант медслужбы сказал: «Ну все, завтра тебя выпишывают и отправляют в стройбат, как последнего мудака». Я спокойно сказал: «Ну, ладно». Увидев, что на меня его слова не произвели никакого впечатления, он сказал: «Да ладно, я пошутил, завтра поедешь домой».

В 1993 году мы со Стакановым организовали ансамбль «Fox Band». Я ощущаю себя больше музыкантом, а не литератором. Но не исполнителем-виртуозом, а человеком, который с музыкой по жизни.

В квартире Долматова, когда не было его мамы, мы собирались, пили пиво, слушали пластинки. Дима хотел издавать журнал, впрочем, он всегда чего-то хотел, ну и я за компанию. От Долматова узнал о Кальпиди, прочитал его стихи в самиздате и захотел познакомиться. По приглашению Виталия я пришел к нему на квартиру, он жил на улице Подводников, и мы пообщались.

Первая моя публикация была в газете «Молодая гвардия», где работала Наталья Шолохова, жена Кальпиди. Газета объявила поэтический конкурс на лучшее присланное стихотворение. Моя мама без моего согласия отправила мои стихи. Их опубликовали. Мне было приятно, но не понятно, почему напечатали слабое стихотворение. В отличие от большинства у меня другое отношение к творчеству. Мне кажется, поэзии нужна выдержка... Я, по сути, легкий человек. Я легко ко всему отношусь, поэтому и жив до сих пор. Когда я перестал писать стихи, для меня это было странно: ну надо же! Но при этом мне было вполне комфортно жить, никакой трагедии не произошло. Хотел написать роман, но понял: все романы давно написаны. Я подходил к этому как талантливый поэт – а я без всякого лукавства считаю себя именно таковым – то есть спонтанно. Я не могу каждый день писать по 5–10 страниц... Уже 10 лет я работаю грузчиком. Жизнь только начинается. У меня все еще впереди.